

УДК 165.1

ОШИБКИ СОЗЕРЦАНИЙ И ОТКРЫТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2010 г.

Ю.В. Желтов

Волжский государственный инженерно-педагогический университет

romantsov@okbm.nnov.ru

Поступила в редакцию 23.03.2010

Рассмотрены созерцательная и знаковая культуры познания, которые фиксируют традиционно изучаемый онтологией объективный тип бытия. Показано, что эти культуры познания не воспринимают потаенный и управляющий субъектом аспекты другого типа бытия, который характеризует связка *есть*. Этот бытийный тип образован формами инобытия как бытия-одного-иным, которые доступны восприятию познания-исследования и его завершающей стадии — понимания. С использованием интуиции бытия-одного-иным предложена интерпретация существования как проявления потаенно-основных сущностей. Рассмотрены формы интенсификации и подавления существования. Статья написана в контексте перехода мышления от культуры созерцательного и знакового познания к культуре исследовательского познания, который необходим в условиях нарушения общественных конвенций, разрушающего основу знакового общения.

Ключевые слова: бытие, существование, сущность, созерцание, знак, знание, след, исследование, понимание, идея, явно-потаенный объект-суперсубъект, трансценденция, интенция, синтез.

Известно, что глубокий современный российский кризис характеризуется отходом общественного сознания от норм логического мышления. В связи с этим актуальна проблема поиска способов «починки» сознания без отрыва от главного ствола рационализма, но с его необходимой модернизацией [1]. Онтологический анализ рационализма, выполненный П.П. Гайденко, обнаружил в нем модернизационную тенденцию, которая состоит в обращении рациональности как техники овладения природой к разуму как умственной способности, которая позволяет человеку «понимать — понимать смысловую связь не только человеческих действий и душевных движений, но и явлений природы, взятых в их целостности, в их единстве: в их живой связи» [2]. Для углубления обнаруженной тенденции достигнутый уровень ее осмысления требует гносеонтологического анализа тавтологизированного пока *понимания*, а также *смысловой* и *живой* связей человеческих действий и явлений природы.

Тождественно ли бытие существованию?

Анализ понимания актуален в связи с проблемой рационализма, состоящей в отождествлении бытия и существования не только бытовым сознанием, но и диалектическим материализмом [3], при их фундаментальном различении такими мыслителями, как И. Кант и Г. Гегель. Согласно Канту: «ясно, что бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений

само по себе...». О существовании у Канта читаем: «В чувственно воспринимаемом мире все имеет эмпирически обусловленное существование, и никакое свойство в нем не имеет безусловной необходимости» [4]. Согласно Гегелю: «бытие есть абсолютная абстракция», а существование — «бытие, которым делается сущность, существенное бытие, ... выхождение из отрицательности и из внутреннего» [5].

В близком к указанной проблемной ситуации плане Б. Рассел сформулировал в 1918 г. другую проблему: «Я думаю, почти невероятное количество ложной философии вытекает из непонимания того, что означает “существование”» [6]. Одним из проявлений отмеченной ложности служит выявленная Э. Левинасом слабость современной онтологии, состоящая в *обезличении* ею существования, в результате чего смысл бытийного *есть* сводится к примитивному «имеется», а «имеющееся» существующее оказывается грамматическим существительным [7]. В отношении проблемы Рассела современные исследователи отмечают, что за прошедшее столетие она не приблизилась значительно к своему разрешению ввиду глубины ее ментальных и идейно-политических корней [8].

В качестве ментального основания обеих проблем можно указать традиционное ограничение онтологии рассмотрением бытия лишь того типа, где его атрибутами служат *объективность* и *самотождественность* [9], которые обобщены в представлении о том, что бытие *есть*. Онтологические свойства того, что

есть, наглядно охарактеризовал данный Парменидом пластический образ бытия в виде «глыбы совершенно прекруглого Шара», а гносеологические свойства – афоризмом: «Мысль и то, что она мыслит, одно и то же» [10]. Созданный Парменидом образ характеризовал бытие как непосредственно данное субстанциальное и всеохватное *одно*. Его «совершенная прекруглость» соответствовала самоотжественности бытия (шар тождественен себе при любых движениях), а также абстрагированию от остальных свойств (на поверхности шара невозможно «зацепиться» за что-либо конкретное). В афоризме Парменида мысль о бытии была постулирована как интеллектуально созерцающая мыслимое объективное бытие, а потому непосредственно (точнее: не опосредствованно чувственно-деятельным опытом) *знающая* это бытие. Современные исследователи уточняют этот постулат, замечая, что мысль Парменида о бытии «не могла оставаться просто мыслью, но всегда так или иначе заключала в себе объективность» [11]. Здесь оговорка «так или иначе» неявно фиксирует *опосредствованное* качество соответствия знания об объективном бытии самому этому бытию. Первичной фазой опосредствования служит получение субъектом *впечатлений*, которые создают основу знания о созерцаемом бытии. Вместе с тем, поскольку знание, согласно энциклопедическому определению [3], обладает качествами *проверенности* общественно-исторической практикой, *удостоверенности* логикой и *адекватности* отражения действительности в сознании человека (согласно В.И. Далю, приставка ‘про’ соответствует опосредующим предлогом ‘для’ и ‘перед’, а ‘досто’ – усилению достоинства [12]), постулат Парменида строго выполняется лишь для абстрактного объективного бытия, которое просто *есть*, но лишено других качеств, определение которых опосредствовано опытно-чувственной человеческой деятельностью. Если же для конкретного бытия эти качества не обеспечены, основанное на созерцании и рядоположенном ему умозрении знание, будучи обусловлено таким обеспечением, оказывается условным. В связи с такой условностью созерцание конкретного объективного бытия приобретает слабости и делает ошибки (их делает даже созерцание-ясновидение [13]). В ряду слабостей созерцания Аристотель отметил незнание существования того, что вышло из нашего созерцания [14], а Ф. Бэкон, характеризуя созерцание как благопристойное безделье, предупредил о недопустимости в нем господства прошлого опыта, а также об осторожности со всем, что сильно за-

хватывает и пленяет созерцателя [15]. В современности И.П. Павлов видел созерцательную слабость русского ума в его нежелании «идти за кулисы слова» [16].

Главным способом обеспечения созерцательного познания опытными данными является познание посредством знаков, преимущественно текстовое книжное («Книга – источник знаний»). Поскольку знаковое описание объективного бытия требует адекватности знаков тому, что они обозначают, объективность знакового знания имеет *адекватную* условность. Кроме того, из теории информации известно, что посредством знаков субъекты могут общаться лишь при условии выполнении соглашений-конвенций о знаковых обозначениях. Напротив, те, «кто нарушают такие соглашения, попросту выпадают из общения» [17]. Например, в ситуациях, подобных рассмотренной у Козьмы Пруткова: «Если на клетке с верблюдом написано «буйвол»...», субъекту рекомендуется «не верить глазам своим». Благодаря этому объективность знакового знания оказывается обусловленной *адекватно* и *конвенционально*, т.е. в обоих этих планах условной.

* * *

Наряду с типом бытия, в рамках которого оно *есть*, уже в античности стал изучаться другой бытийный тип, где *есть* имеет характер связки. Его простейшими реализациями послужили логические суждения вида: «роза – пахнет», в смысле «роза есть пахнущая». Об этом типе бытия Кант заметил: «В логическом применении оно есть лишь связка в суждении» [4]. Анализ применений связки *есть* в логических суждениях привел М. Хайдеггера к заключению, что эта связка характеризует «структурный момент самого положения вещей» [18]. В этом же направлении Э. Левинас увидел самое необычное достижение онтологии М. Хайдеггера в раскрытии ею *глагольного* звучания глагола *быть* [7]. Поскольку глаголы обозначают действия, бытийное *есть* в «глагольном звучании», подразумевая действие одного на иное, и потому имплицитно характеризует бытие одного в неразрывной связи с иным для него. Такая неразрывность принципиально устанавливается, когда *одно есть иное*, т.е. при реализации форм *инобытия* как *бытия одного – существенно иным* [19].

Для инобытия-состояния, представляемого в простейших случаях логическими суждениями вида «роза есть пахнущая», онтологически существенно, что запах розы есть ее «плод», «остаток», *след*, т.е. здесь *иное есть след(ствие) одного*. Поэтому связь одного и иного в формах

бытия-одного-иным оказывается доступной *исследующему* способу познания, задачу освоения культуры которого поставила еще библейская мудрость: «По плодам их узнаете их» (узнавать кого-либо по его плодам можно только исследуя их). Внешние мотивации исследовательского труда достаточно изучены [20], чего нельзя сказать об изученности его гносеонтологической специфики. При ее анализе можно заметить, что если идентификация запаха розы как такового предполагает созерцательно-впечатляющее или обозначенное в текстах *знание* запахов, то для идентификации запаха розы как ее следа требуется исследование причинно-следственных связей запахов и их источников. Нетрудно заметить также, что если для логичного исследователя запахи существуют явно, то их источники – *потаенно*, и подобным же образом логичные выводы делают потаенное *до* них – явным *после* них. Это особенно наглядно при доказательствах школьных теорем, когда, например, потаенная до выполнения доказательства конгруэнтность треугольников следует из явного равенства друг другу их сторон. Обычно акт восприятия такого следования истолковывают как *понимание* теоремы. Однако на практике понимание достигается вследствие успешного исследования-прослеживания, каким образом из очевидного проясняется потаенное, а уже из достигнутого понимания, по мере привыкания к нему, возникает знание.

* * *

Использование доступных исследованиям и пониманию интуиций бытия-одного-иным, дополненное применением выразительных свойств русского языка, позволяет предложить «лежащее на поверхности» решение проблем Рассела и нетождественности бытия и существования. Руководствуясь тезисом Гегеля: «Сущность должна являть себя [5]», — ключевое для обеих проблем *существование* можно интерпретировать как *проявление сущности* [21]. С использованием английского сделать это труднее. По-английски ‘существовать’ – exist, в смысле ‘жить’ (разговорный вариант exist – ‘влачить жалкое существование’). В то же время ‘сущность’ – essens в смысле ‘дух’, ‘аромат’ и вместе с тем ‘дно’; а ‘проявлять’ – display, в смысле ‘обнаруживать’.

Предложенная интерпретация существования допускает конкретизацию посредством онтологического обобщения энциклопедического толкования сущности как ‘внутреннего содержания предмета’, где ‘содержание’ истолковано как ‘определяющая сторона целого’ [3]. Поскольку ‘внутреннее’ и ‘определяющее’ сино-

нимичны ‘потаенному’ и ‘основному’ соответственно, сущность предмета истолковывается как его ‘потаенная основная сторона’. В итоге, поскольку ‘потаенное основное’ проявляется как выхождение на синтетичное с ним ‘явное следственное’, существование интерпретируется как *выхождение потаенно-основного из себя на синтетичное с ним явно-следственное*. Таким образом, в отличие от фиксируемого созерцанием объективного бытия, существование оказывается доступной исследованию и пониманию (и имеющей личностное качество) формой инобытия-становления потаенно-основного – явно-следственным. Поэтому бытие, которое *есть*, оказывается объективационной идеализацией существования, что соответствует энциклопедическим определениям бытия как *объективного существования*, а также как ‘категории, обозначающей реальность, которая существует объективно’ [3].

Можно показать, что в актах своих проявлений потаенно-основные сущности предметов выходят из себя на явно-следственные предметные явления, находящиеся в синтезе с сущностями, т.е. реализуются, говоря в онтологических терминах, комплексы *трансценденции-интенции-синтеза* (кратко говоря, «трансценденция») сущностей и явлений предметов [19]. В качестве «трансинтивных» субстратов выступают *меры-посредники* проявлений сущности, простейшая наглядная форма которых реализуется в математике для чисел А и В, которые существуют, обозначая друг друга, посредством меры М в равенствах вида $A = MB$. Ощутимым мерным субстратом проявления сущности бытия розы — пахнущей служит ее *аромат*, когда ароматические вещества выходят из себя в качестве потаенных в цветках – на себя в явно ощущаемом человеческим обонянием качестве. Социальные примеры субстратов проявлений сущности дают человеческие *облики*. В античности к ним приближались внешние виды хорошо знакомых людей, которые древние греки называли *идеями*. Напротив, облики (‘облик’, согласно В.И. Далю, — ‘общность вида и выражения лица’ («У него облик добродушный или умный; тупой, скрытый» [12])) доступны восприятию исследующего понятливого субъекта. Если ‘выражение’ подразумевается потаенно-основным в облике, то ‘вид’ — явный и следственный. При этом в понятном облике человека его ‘выражение’ и ‘вид’ не сливаются в субстанциальное *одно*. Напротив, их общность создают улавливаемые понятливым субъектом «трансинтивные» выходы потаенно-основного ‘выражения’ облика из себя на явно-след-

ственный и синтетичный с выражением 'вид'. В общем случае 'вид' и 'выражение' облика человека образуют *одно-иное*, находящееся в равновесии, пока понятливый субъект не «сдвинет» его в сторону преобладания явно-следственного 'вида' над потаенно-основным 'выражением', реализуя становление потаенного — явным.

Способы интенсификации и подавления существования

Традиционно считается, что потаенно-основные сущности *должны* проявляться. В модальности долженствования были выдержаны не только библейская мудрость: «Нет ничего тайного, которое не сделалось бы явным», — но и тезисы Гегеля о явлении сущности. Однако, когда, например, субъект понимает выражение чужого человеческого облика, он *интенсифицирует* проявление для себя потаенно-основной сущности другого человека. Напротив, когда он *делает вид* или *играет* другого человека, он *подавляет* проявление своего существования для окружающих, т.е. фактически *антисуществует* для них по собственной инициативе.

Акты субъектного антисуществования часто реализуются с участием других субъектов. В рамках культуры созерцательного познания, где сущности интенсифицированы до уровня их тождественности явлениям, известными способами подавления явно *правдивой* и *бескорыстной* сущностей человека служат *ложь* на него других людей, а также их *алчность*. *Сознательную* человеческую сущность здесь подавляют манипуляции созерцательным сознанием, которым противостоят контрманипуляции им [22]. В свою очередь, *инициативную* сущность человека подавляет административное антисуществование по правилу «инициатива наказуема», а *умную* сущность — правило «я начальник — ты дурак». (Для этого правила имеются модификации экономическая: «Я богатый — ты дурак», — и аристократическая: «Во всяком сословии и звании могут быть своего рода аристократы, считающие себя, от природы и без заслуг, выше других» [12].)

Интересно отметить, что обратное правило «ты начальник (богатый, аристократ) — я дурак» поощряет инициативное антисуществование, имеющее характер *симуляции*. Многие ее варианты, которые практиковал, например, Швейк у Я. Гашека, по-русски называются способами «валять дурака». Когда человек «валяет дурака», он, будучи в сущности умным, сам подавляет свою сущность, т.е. инициативно антисуществует в умном качестве. Нетрудно заметить, что такой 'дурак' подобен 'лжецу' из «парадокса лжеца». Когда такой 'лжец' высказывает ис-

тину «я лгу», его лживая сущность испытывает ущерб, т.е. он в качестве 'лжеца' антисуществует по своей инициативе.

В культуре знакового познания знаки традиционно существуют для привлечения субъектного внимания к обозначаемым ими оригиналам, и таким способом их существование интенсифицировано. Напротив, вырождаясь в не имеющие оригиналов *симулякры*, знаки испытывают тенденцию к антисуществованию. В рамках культуры знакового знания правдивую сущность человека подавляет *обман* (знаки способны *манить*, создавая основу *приманного* среза бытия [23]), а способом инициативного антисуществования субъекта служит *самообман*. Известными способами подавления сущности знаков служат *подделки*, а для денежных знаков также и обесценивающая их *инфляция*.

* * *

Известно, что в Новое время стал развиваться исследовательски-экспериментальный метод интенсификации проявления сущностей. Действуя по этому методу, исследователи рассматривают данное им как *одно-иное*, где *одно* существует как след(ствие) иного, которое оставило след(ствие). Наглядные примеры «одно-иных» предметов исследований дают человеческие следы на земле. С первого взгляда очевидно, что следы — явные объекты, оставленные потаенными субъектами. Менее очевидно, что следы, привлекая внимание следопытов, незаметно руководят ими и потому оказываются *потаенными суперсубъектами*. Таким образом, в онтологическом плане следы оказываются *явно-потаенными объект-суперсубъектами*, т.е., аббревиатурно говоря, «япос»ами (в англоязычных корнях это "omos"ы — obvious-mystery object-supersubjects) [19], которые служат мерами инобытия-становления потаенно-основных сущностей субъектов, оставивших следы, — их явными следствиями. В гносеологическом плане следы позволяют следопыту «заглянуть» из явно-объектного измерения исследуемого инобытия в его потаенно-суперсубъектное измерение. Благодаря этому для внимательного следопыта интенсифицируется существование субъектов, оставивших следы. Усложненный эффект такой интенсификации дает «зачистка» субъектом своих следов. В первом приближении она подавляет проявление его сущности, однако, оставляя следы сама, способна характеризовать субъектную сущность много полнее, чем следы без «зачистки».

Если сравнить следы со знаками (например, дорожными), в последних можно увидеть качества явно-потаенности (знаки указывают на

препятствия, которых еще не видно), а также объект-суперсубъектности (знаки регулируют движение). Однако, поскольку знаки имеют адекватно-конвенциональное условное качество, они оказываются менее надежными «япос»ами, чем следы или плоды субъектной деятельности. В частности, слова субъектов менее надежны, чем дела, а сопряженная с должностными назначениями правовая компетенция более формальна, чем компетенция-продуктивность.

* * *

В новейшее время для максимальной интенсификации проявлений сущности создаются исследовательские иерархические структуры [20]. Пример таких структур, позволяющий рассмотреть их гносеонтологические особенности, описан в документальном (опубликованном более 100(!) изданиями) романе В.О. Богомолова «Момент истины» о деятельности фронтовой контрразведки и агентуры. Здесь по обеим исследовательским линиям действовали иерархии, ранжированные уровнями сложности решаемых задач. В иерархию контрразведки входили: следопыт, который прояснил внешние характеристики агентов; исследователь, который выявил сущность агентов, а также «заместитель бога по розыску», который сформулировал идею поимки агентов. В агентурную иерархию входили сборщики информации и главный агент, которого давно искала контрразведка.

Результат деятельности следопыта имел вид: «Немецкий офицерский сапог. Массового пошива... След сравнительно свежий, давностью не более двух суток. Отпечаток случайный... Это человек высокого роста...». Очевидно, след был рассмотрен в своем явно-потаенном качестве, т.е. *осмыслен* (понятный смысл раскрывает бытие-потаенного-явным [19]). При осмыслении следа прояснились его случайность и свежесть, благодаря чему явных качеств у него стало больше, а потаенных меньше. Поэтому эффект исследования-осмысления явно-потаенного аспекта следа в качестве «япос»а можно схематично изобразить операторным равенством вида $\wedge I_{осм.}(яп) = Я_{п.}$ Одновременно следопыт рассмотрел след в качестве *объект-суперсубъекта*, ассоциируя его с интересовавшимся контрразведку офицером и таким способом мысленно «оживляя» след. В итоге след стал содержать больше суперсубъектных и меньше объектных характеристик. Поэтому результат исследования-«оживления» объект-суперсубъектного аспекта следа можно изобразить операторным равенством: $\wedge I_{ож.}(ос) = \circ C.$

Для того чтобы вполне прояснить сущность субъектов, которые оставили следы, контрраз-

ведка поставила *проверочный* эксперимент («задачу с живцом и подстраховкой»), используя своего сотрудника, исследователя по гражданской профессии и призванию, в качестве «живца». Проверка решала трудную гносеологическую задачу: «проявить суть проверяемых» в условиях их сущностного незнания. Поэтому проводивший проверку исследователь относился к проверяемым не как к известным субъектам, а как к «япос»ам. Используя самого себя в качестве чувствительного индикатора ситуации, экспериментатор был деятельно включен в исследуемое инобытие. Он ожидал любых реакций со стороны потаенно-основных сущностей проверяемых субъектов и учитывал способность объектов эксперимента управлять поведением экспериментатора. Явность и пассивная объектность «объектов эксперимента» были тривиальными (перед ним стояли обычные, казалось бы, офицеры). Однако осмысление простейших реакций сущностей агентов на действия исследователя (действуя в рамках следовой культуры познания, он подавлял умственные сущности проверяемых «япос»ов, манипулируя их сознанием) позволило выявить в одном из них интересовавшегося контрразведку левшу. Для окончательного прояснения потаенной суперсубъектности агентов исследователю пришлось «оживить» их сущности, подставив свою голову под могший стать смертельным удар главного.

На основе анализа результатов деятельности следопыта и исследователя можно констатировать в гносеонтологическом плане, что *осмысление* «япос»ов (развитие их явных полюсов) и их *оживление* (развитие суперсубъектных полюсов) позволяют приблизиться к решению поставленной П.П. Гайдено задачи [2]. Ведь если осмысление «япос»ов (следов и т.п.) раскрывает явно-потаенное измерение их существования, то «оживление» раскрывает объект-суперсубъектное измерение существования.

Печальным результатом проверки стала гибель участвовавшего в ней певца по гражданской профессии, который пал жертвой «пленившего» его обаяния главного агента. Он допустил онтологическую ошибку, состоявшую в игнорировании потаенности и управляющей суперсубъектности чужого инобытия («Дезертиры, паникеры, изменники встречались — двоих сам расстреливал... Однако ни одного шпиона даже во сне не видел!»). Гносеологическую ошибку певца обосновала аксиома созерцательно-непосредственной объективности знаний о людях: «Как и большинство людей, он был совершенно убежден, что встретиться ему в

жизни шпион или диверсант – он тотчас распознал бы его».

Бывшего певца и исследователя различало отношение к знаниям о фактах, проверяемых людях и их документах. Исследователь интерпретировал факты классически: не только как ‘события’, и как ‘данные, на кои можно опираться’ [12] (в контрразведке их называли «факты, за которые можно зацепиться»). Понимая, что он ничего сущностного о проверяемых не знает, что они способны на любые симуляции, а их документы могут оказаться поддельными, исследователь успешно провоцировал реакции сущностей проверяемых субъектов как следствия своих воздействий на них. Напротив, певцу для подтверждения «опорной» фактичности документа было достаточно увидеть на нем свою подпись, которую дополняло соображение, что если он ошибся в идентификации проверяемых, то все другие «подписанты» документа ошибиться не могли. Нетрудно увидеть в этом наивное игнорирование конвенциональной условности знакового знания, а потому проявление веры в могущество конвенций. Однако в условиях целенаправленного нарушения конвенций знаковое познание, сохраняя адекватность для посвященных в доверительные конвенции между *своими*, грозит опасностью остальным [24].

Исследовательские идеи — проявления гениальной сущности субъектов

Если симулянты сами подавляют свои сущности, то исследователи, вырабатывая собственные идеи, интеллектуально развивают сущности. В отличие от идей созерцательного и книжного познания (писатели книг не несут реальной ответственности за свои идеи, поскольку предполагается, что читатели должны иметь «голову на плечах»), исследовательские идеи являются *мерами* «япос»ного инобытия, создатели которых несут ответственность, поскольку деятельно включены в исследуемое инобытие. Классическим примером ответственной исследовательской идеи служит легендарная: «Все-таки она вертится!», — высказанная Г. Галилеем перед судом инквизиции. Аналогично «заместитель бога по розыску» в «Моменте истины», будучи взят на контроль Ставкой, обосновал «твердое предположение»: поскольку «искомый» радиопередатчик находится в лесном массиве, где агенты оставили следы, и качество их радиопередач сильно ухудшилось, агентов можно взять в лесу там, где им удобно принять питание для передатчика: «Если учесть большую осторожность разыскиваемых, с их точки зрения, удобными для приемки груза ока-

зываются всего четыре площадки внутри массива» [25]. Эта идея с очевидностью опосредовала собой бытие потаенного — явным. Так же очевидно, что, констатируя объективность, идея управляла своим автором не только объективно, но и субъективно, по его инициативе. Его «твердое предположение» было результатом не столько созерцательного познания, житейского опыта или чтения документов, сколько *метода*, основой которого служило правило «до последнего не отсекай другие версии». Гораздо менее очевидно, насколько глубоко и всесторонне автор идеи управлял окружающим. Однако при реализации «твердого предположения» стали происходить удивительные явления, которые фиксирует русская поговорка «на ловца и зверь бежит», т.е., в гносеонтологических терминах, эффекты *инобытия-становления потаенных суперсубъектов — явными объектами, которыми управляет автор идеи*. Когда тайные агенты сами пришли в засаду, а затем оказались именно теми, кого долго искали, произошли не чудеса, а «транзитивные» выходы событий, где «обстоятельства выше нас», на события, где «обстоятельства идут нам навстречу». Такие выходы вообще характерны для реализации продуктивных исследовательских идей. Классические примеры реализации таких выходов дают открытия ранее неизвестных химических элементов, оправдавшие «твердое предположение» Д.И. Менделеева о периодической зависимости свойств химических элементов от их атомного веса.

В связи со всем показанным, итог исследований (^И) на основе идеи-«япос»а можно схематично изобразить операторным равенством: $\wedge I(\text{япос}) = Y_{\text{но}}C$, где (япос) — состояние идеи в момент ее формулировки, а $Y_{\text{но}}C$ — ее состояние в момент удачного завершения исследования. Поскольку в момент своего оправдания исследовательские идеи демонстрируют качество *явной суперсубъектности*, в них проявляется сущность человеческой *гениальности*. Гениальности как *всеобщей* способности, которую человек может сообщить себе только посредством *самосознательной* деятельности, которая нуждается в *культуре* мышления [26]. Вывод о том, что исследовательская культура мышления — именно *всеобщая* (пусть пока недостаточно востребованная и развитая) человеческая способность, подтверждает не только «Момент истины», но и «Чевенгур» А.П. Платонова. Среди его героев были те, «кто *никогда сразу не скажут*, что им нужно, но поведут речь издали о средних предметах, *сосредоточенно пробуя* характер собеседника: допускает ли тот попросить

облегчения» [27]. Здесь совсем нетрудно увидеть человеческий инстинкт исходить в самых серьезных — когда неизвестно, что делать — ситуациях не из знаний, полученных созерцанием, умозрением или чтением, а из осторожных исследований. Именно в возвышении культуры человеческого мышления с уровней созерцательно-умозрительного и знакового познания на уровень познания-исследования состоит, по видимому, потаенно-основная сущность серьезной «починки» современного рационализма без отрыва от его главного ствола, но с необходимой модернизацией.

Автор благодарит Н.В. Маковеева за стимулирующее обеспечение выполненного исследования информацией.

Список литературы

1. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М.: Эксмо, Алгоритм, 2008. С. 4.
2. Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 10.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1983. С. 69, 192, 665.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 342, 361.
5. Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1999. С. 25, 31, 530.
6. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999. С. 60.
7. Эманюэль Левинас: путь к Другому. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 2006. С. 196.
8. Самченко В.Н. «Бытие» Парменида и логика существования. Философия науки. 2007. № 1(32). С. 3–15.
9. Finkelberg A. Being, truth and opinion in Parmenides. Archiv für Geschichte der Philosophie. 1999. 81 Bd., № 3. P. 233–248.
10. Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. Минск: Харвест, 1999. С. 397–413.
11. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: МГУ, 1986. С. 6–7.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. Яз., 1989. Т. 1. С. 22, 479. Т. 2. С. 596. Т. 3. С. 466. Т. 4. С. 531.
13. Ясновидение / Панасюк А.Ю. Большая энциклопедия парапсихологии. М.: РИПОЛ классик, 2007. С. 796–822.
14. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 175.
15. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 384. Т. 2. С. 25.
16. Павлов И.П. О русском уме / Литературная газета. 31.07. 1991.
17. Черри К. Человек и информация. М.: Связь, 1972. С. 95.
18. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 59.
19. Желтов Ю.В. Инобытие и понимание. (Философия интеллигентности). Н. Новгород: Изд-во ВГИПУ, 2006. С. 80, 97–106.
20. Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок. М.: Прогресс, 1973. 471 с.
21. Желтов Ю.В. Существование как проявление сущности // Мировоззренческая парадигма в философии: бытие и мышление (реальное, мнимое, симулятивное). Материалы VII Всероссийской межвузовской научной конференции. Н. Новгород: Изд-во ВГИПУ, 2009. С. 48–52.
22. Шейнов В.П. Психология обмана и мошенничества. Мн.: Харвест, 2004. С. 427.
23. Желтов Ю.В. Обманы и исследования как преобразования явного и тайного в субъектном восприятии. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008, № 3 (11). С. 65–69.
24. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004. С. 143, 148.
25. Богомолов В.О. Сердца моего боль. Роман, повести, рассказы. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 310.
26. Гегель Г. Лекции по эстетике. М.: ГСЭИ, 1938. С. 29.
27. Платонов А.П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 328–329.

MISTAKES IN CONTEMPLATION AND REVELATION OF INVESTIGATIONS

Yu. V. Zheltov

This article speaks about contemplative and symbolic cultures of cognition, which commit traditionally investigated by ontology, objective, type of being. It is shown that these cultures of cognition do not perceive the hidden and subject controlling other type of being, this type of being is characterized with a link verb *to be*. This type of being is created with otherbeing forms, as being a one as another, which are comprehensible for investigating cognition and for its final stage – understanding. Using intuition of otherbeing, interpretation of existence is proposed to be defined as display of hidden-basic essences. Forms of intensification and suppression of existence are also discussed. This article is written in the context of thought transition from the contemplative and symbolic cultures of cognition to investigating cognition culture, this transition is necessary in the conditions of violation of social conventions, which destroys the basics of symbolic communication.

Keywords: being, existens, essens, contemplation, symbol, knowledge, vestige, investigation, understanding, idea, obvious-mystery object-supersubject, transcendentation, intention, sintethesis.